

жена султана



ДЖЕЙН ДЖОНСОН

# ЖЕНА СУЛТАНА



Москва  
2016

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
Д42

Jane Johnson  
THE SULTAN'S WIFE  
© 2012 Jane Johnson

Перевод с английского *Е. Ракитиной*  
Художественное оформление *П. Петрова*

**Джонсон, Джейн.**

Д42 Жена султана / Джейн Джонсон ; [пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-91247-6

Услышав о роскоши Версаля, султан Исмаил задумал невиданное — построить дворец, который превзойдет красотой резиденции французских монархов. Чтобы осуществить амбициозные планы султана, тысячи невольников, умирая от страшной жажды, трудились день и ночь, а пираты захватывали все новые и новые корабли.

А тем временем молодая англичанка Элис Суонн отправилась в Лондон на встречу с женихом. Вот только планам ее не суждено было сбыться: она оказалась в плену у пиратов. Неужели мечтам Элис о любви, семье, детях не суждено сбыться? Неужели придется смириться с судьбой и стать наложницей самого могущественного человека Востока?

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91247-6

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2016  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2016

## *Часть первая*

*Пятый день первой недели месяца Раби аль-авваль  
1087 год Хиджры  
(1677-й по христианскому летосчислению)  
Мекнес, Королевство Марокко*

### 1

**Д**ождь льет с ночи, превращая землю в болото. Колотит по черепичной крыше и террасам, где женщины обычно развешивают белье и откуда следят за перемещениями мужчин внизу. Стучит по зеленому фаянсу мечети Шавуя, по четырем золотым яблокам и полумесяцу на верхушке ее большого минарета. Стекает по стенам, окружающим дворец, оставляя темные, как кровь, пятна.

Мастера в прилипших к телам рубахах разглядывают предназначенные для главных ворот тяжелые кедровые брусья — разбухшие от воды, заляпанные грязью. Никому не пришлось в голову закрыть дерево от дождя: в это время года красные холмы обычно выстланы коврами бархатцев, похожими на рыжий снег, а в городских садах начинает наливаться инжир.

На другом континенте французский король занят воплощением своих безумных идей по поводу дворца и садов в Версале. Султан Мулай Исмаил, император Марокко, объявил, что построит дворец, в сравнении с которым Версаль покажется ничтожным: его стены протянутся отсюда, из Мекнеса, на триста миль по горам Среднего Атласа до самого Марракеша! Первая стадия — Дар-Кбира с двенадцатью высокими постройками, мечетями и хамамами, дворами и садами, кухнями, казармами

и куббами — близка к завершению. Через день должны торжественно открыть Баб аль-Раис, главные ворота. Правители провинций со всей империи уже прибыли на праздник и привезли с собой дары: невольников, золотую парчу, французские часы и серебряные подсвечники. В полночь Исмаил собирается своими руками убить волка, замуровать его голову в стену и похоронить тело под воротами. Но как, если сами створки ворот — главный символ этого великого начинания — не готовы? И как поступит султан, если его планы будут нарушены?

По крайней мере один из мастеров в раздумьях потирает себе шею.

На другой стороне площадки, на внешней стене, не покладая рук трудятся невольники-европейцы, закладывая чудовищную брешь — ночью там случился обвал. Глинобитная стена пропитана водой: песок с известью, судя по всему, изначально плохо обожгли, а дождь придал сооружению губительную неустойчивость. Без сомнения, починка тоже пойдет насмарку, и тогда всех высекут за небрежение. Или еще хуже.

Рабочие истощены и бледны, их лица заострились от голода, одежда разорвана и грязна. Один из них, с густой бородой и запавшими глазами, оглядывает пустынную площадку.

— Кости Господни, от такого холода боров сдохнет.

Его сосед угрюмо кивает:

— Мрачно, как в Гулле зимой.

— В Гулле хоть эль есть.

— Эль — и бабы.

Все вздыхают.

— Мне, после пяти месяцев тут, даже гульские бабы сгодятся.

— Подумать только, ты же в море ушел, чтобы от баб сбежать!

Смех, вызванный этим замечанием, короток и горек. Первые недели в Марокко невольники, выжившие в

## *Жена султана*

зловонных подземельях, куда их, захваченных на купеческих и рыбацких кораблях от Корка до Корнуолла, заточили эти иноземные бесы, рассказывали друг другу о своей жизни. В них еще теплилась мечта о доме.

Уилл Харви внезапно распрямляется, убирая с лица прилипшие от дождя волосы.

— Очи Христовы, вы только гляньте на это!..

Все оборачиваются. Открывается внутренняя дверь большого дворца, и наружу является хитроумное приспособление, а за ним высокая фигура, которой приходится согнуться почти вдвое, чтобы выйти — потом существо предстает во весь свой преувеличенный рост. На нем алое одеяние, отчасти скрытое шерстяным плащом с золотой каймой. Над головой в тюрбане оно держит круглый кусок ткани на длинной ручке, чтобы укрыться от проливного дождя.

— Это что еще за чертовщина? — спрашивает Харви.

— По-моему, это балдахин, — неуверенно произносит преподобный Эбсли.

— Да не утварь, болван. Тварь, которая ее держит. Смотрите, как выступает — ни дать ни взять ученая испанская лошадка!

Существо осторожно пробирается между лужами. Поверх расшитых камнями туфель на нем грубые пробковые башмаки, которые жадно засасывает грязь. Рабочие с интересом наблюдают, как оно движется по двору, и вскоре начинают улюлюкать:

— Шут негодный!

— Катамит!<sup>1</sup>

Перебросить часть своего мучения другому — редкое удовольствие, пусть даже этот другой — иностранец, не понимающий их ругани.

— Неженка вертлявый!

— Белый голубочек!

— Пополам!

---

<sup>1</sup> Мальчик, состоящий в связи с взрослым мужчиной.

Внезапно, словно последняя, самая невинная фраза попала в цель, существо останавливается и, откинув нелепое приспособление, смотрит на рабочих в упор. Его повадки и одежда, казалось, говорили о бессильном женоподобии, но лицо, обращенное к оскорбителям, опровергает это впечатление. Лицо это уж точно не белое — и не нежное. Оно кажется выточенным из обсидиана или какого-то твердого дерева, потемневшего от времени. Суровое и неподвижное, как маска воина, словно за ним и нет человека — если бы не белая полоска под черной радужкой, появляющаяся, когда его взгляд опалает рабочих.

— Подумали бы, на кого ругаться.

Невольники в изумлении затихают.

— Щелкну пальцами — все ваши надсмотрщики сбегутся.

Ярдах в тридцати четверо, укрывшись под аркой, заваривают чай. В клубах пара, поднимающегося от котла, они похожи на призраков. Но эта бесплотность обманчива: дай им возможность кого-то наказать, они бросят свой чай и в мгновение ока ворвутся в мир людей, с кнутами и палками наготове.

Пленники неловко мнутя, слишком поздно поняв, как страшно ошиблись. Никто в этой богом забытой стране не понимает по-английски!

Придворный бесстрастно их рассматривает.

— В надсмотрщики берут за безжалостность. В этих людях не осталось ни капли человеческого. Им велено немилосердно наказывать ленивых и непокорных, они убьют вас и похоронят ваши тела в той самой стене, которую вы чините, без всяких сожалений. Вас всегда найдется кем заменить. Жизнь в Мекнесе стоит недорого.

Пленники знают, что каждое его слово — правда. В отчаянии они смотрят на Уилла Харви, надеясь, что он заговорит (в конце концов, здесь есть его вина, он привлек их внимание к этому человеку); но он опустил голову,



## Жена султана

словно ожидая удара. Никто не произносит ни слова. В воздухе висит напряжение.

Наконец Харви поднимает голову:

— Ты такой же человек, как мы? Или дьявол? Неужели ты прикажешь нас убить за несколько глупых слов?

Остальные втягивают воздух. Придворный на мгновение слегка улыбается. Потом маска возвращается на место.

— Такой ли я человек, как вы? О, это хороший вопрос...

Он замолкает, позволяя пленникам хорошенько рассмотреть свой плащ с золотой каймой, богатые браслеты на мускулистых черных руках, серебряное кольцо в левом ухе.

— Я половинник, я никто. Такой же невольник, как вы. Скажите спасибо, что те, кто меня урезал, не вынули мое сердце.

Круг ткани качается и снова скрывает его лицо.

Никто не произносит ни слова, не понимая, к чему все это. Пленники смотрят, как придворный пробирается дальше по грязи к обширному пустырю, который отделяет дворец от *медины*. Поравнявшись с надсмотрщиками, он останавливается. Все затаивают дыхание. Понятно, что произнесены приветствия — но не более того. В конце концов, уже достаточно наказанные, сознавая, что были на волосок от смерти, пленники возвращаются к бесконечному тяжкому труду. Сегодня им позволено жить — и работать, — сегодня они не умрут. Лишь об этом по большому счету мы все и можем просить.

## 2

— Мир тебе, господин.

*Сиди Кабур* — хрупкий человек в годах, с опрятной белой бородой, тщательно выхоленными руками и без-

упречными манерами. Так и не скажешь, что он лучше всех в Марокко разбирается в ядах. Он склоняет голову и вежливо улыбается мне; пустая любезность, с которой он меня приветствует, нужна для того, чтобы казалось, что прежде мы не встречались, что я — всего лишь еще один случайный покупатель, который наткнулся на его лавочку, запрятанную на задах базара Хенна-сук, пойдя на запах благовоний, талиуинского шафрана и других недозволенных веществ. На самом деле он хорошо меня знает: моя госпожа частенько нуждается в его мастерстве.

Мое чутье придворного срабатывает сразу. Я смотрю на сиди Кабура сверху вниз — я и так немалою роста, а нелепые пробковые башмаки делают меня еще выше.

— И тебе, *факих*.

Никто ничего не заподозрит.

Он слегка сощуривает левый глаз, и я бросаю взгляд ему за спину. В глубине лавки, в полутьме, стоит человек. Я снова смотрю на хозяина, тот поджимает губы. *Осторожнее*.

— Ну и ливень! — восклицаю я для начала.

— Жена, да хранит ее Аллах, вчера вынесла все ковры из гостиной и развесила их на террасе проветрить.

— И забыла занести в дом?

Сиди Кабур беспомощно пожимает плечами:

— Ее мать заболела: жена всю ночь сидела у ее постели и вспомнила о коврах только после первой молитвы. Ковры моей бабушки сотканы из добротной крепкой шерсти, но вот цвета полиняли.

Он морщится, но я понимаю, что весь этот разговор затеян лишь для того, чтобы усыпить внимание подслушивающего покупателя. Пока он перечисляет травы, которые смешивал для тещи, и действие этих трав на ее запор, человек в лавке подает голос.

— У тебя есть корень волчьего лука?

У меня на загривке встают дыбом волосы. Волчий лук — редкое растение с неоднозначными свойствами.

Полезные вещества в его клубнях могут остановить кровотечение и помочь быстрому исцелению раны, я это слишком хорошо знаю. Однако вытяжка из листьев дает смертельный яд. Из-за редкости растения и его силы цена немислимо высока. Судя по выговору, покупатель родом откуда-то из мест между предгорьями Атласа и Великой Пустыней. Именно в тех краях волчий лук чаще всего и встречается. Опустив глаза, я замечаю, что на покупателе тупли с круглыми носами, какие нечасто увидишь тут, на севере. Уж он-то должен знать, что волчий лук можно купить куда дешевле на базаре в Тафрауте. Значит, этому человеку, или господину, которому он служит, деньги не важны, а растение нужно срочно. Вопрос лишь в том, для исцеления или для убийства?

Сиди Кабур спешит в глубь лавки. Я чувствую, что покупатель смотрит на меня, и вежливо ему улыбаюсь — но меня поражает напряженность в его взгляде. Придворным часто завидуют; щеголей и чернокожих обычно презирают. Я объясняю выражение его глаз подобными предубеждениями.

— Салам алейкум. Мир тебе, господин.

— И тебе.

Под предлогом избавления от злосчастных башмаков я склоняюсь и подсовываю листок со списком нужных мне товаров под склянку с тем сортом мускуса, что предпочитает императрица Зидана — там сиди Кабур его точно найдет. Мы с ним прежде уже поступали так; когда занимаешься тайными делами, никакая предосторожность не бывает лишней. Я прячу башмаки под прилавок, где они могут постоять, пока я отлучусь, потом выпрямляюсь, подчеркнуто отряхивая воду с плаща, чтобы чужак видел, что в руках у меня ничего нет.

Он все еще смотрит на меня; я от его взгляда покрываюсь мурашками. Не встречал ли я его при дворе? Он кажется мне смутно знакомым. Кости его лица под красной вязаной *такией* туго обтянуты кожей; его можно

было бы назвать красивым, если бы губы не были сложены так злобно. В ухе у него нет невольничьего кольца. Вольноотпущенник? Купец, сам себе хозяин? Все может быть: в Марокко пересекаются многие торговые пути, вся страна — один сплошной базар. Но если он простой купец, зачем сиди Кабур просил меня быть осторожнее? И почему этот человек пытается купить, скажем прямо, сильный яд? Если он знает, кто я, он должен знать, что я здесь со схожими целями. Что это, проверка? И если да, то кто меня проверяет?

Разумеется, я кое-кого подозреваю. У меня есть враги, есть они и у моей госпожи.

Снова появляется сиди Кабур.

— Это то, что ты ищешь?

Покупатель обнюхивает клубни, словно может одной лишь силой обоняния определить, отвечают ли они его требованиям. Еще одна фальшивая нота: любой настоящий отравитель знает, что возраст корня не имеет значения; как и его родственница, лилия, волчий лук сохраняет свои смертоносные свойства навсегда.

— Сколько?

Травник называет грабительскую цену, и покупатель соглашается, почти не торгуясь. Это окончательно убеждает меня в том, что дело нечисто. Пока южанин копается в кошельке, извлекая монеты, я быстро выхожу на Хеннасук, едва не сталкиваясь с тачкой, полной кувшинов для воды, горшков и сковородок, и между мной и преследователем сразу оказываются несколько ослов, спорящие женщины в чадрах и шумная стайка детей. Укрывшись под навесом кофейного лотка, я осматриваюсь и слежу за прохожими, ища резкие черты лица под красной вязаной такией. Когда становится ясно, что никто за мной не идет, я проклиная свою глупость. Ругань европейских невольников вывела меня из себя. Я слишком тревожусь.

К тому же я должен исполнить поручения моего повелителя. Нет времени прохлаждаться здесь, лелея свое

помешательство. Пусть лучше сиди Кабур избавится от южанина и возьмется за заказ императрицы; я зайду за ним позже. В списке есть вещи, на приготовление которых уйдет какое-то время.

Лавка шорника на другом краю базара, за рядами торговцев тканью, галантерейщиков и портных, сапожников и башмачников. Изготовитель чепраков и попон — рослый мужчина, почти такой же темнокожий, как я, с крупными чертами печального лица, на котором, когда он слышит мой заказ, появляется выражение почти комического смятения.

— Мешок для навоза? Шитый *золотом*?

Я киваю.

— Это для очень благочестивого коня. Он совершил паломничество в Мекку, нельзя допустить, чтобы его испражнения падали на землю.

Я во всех подробностях объясняю, чего требует Мулай Исмаил.

Мастер изумленно таращит глаза.

— И сколько же султан заплатит за такую тонкую работу?

Но он уже побежден: он знает ответ.

Я развожу руками в знак извинения. Султан никогда не расстанется ни с единой монеткой, если может этого избежать. Страна и все, что в ней есть, принадлежит ему: зачем же платить? Зачем вообще при таком строе деньги? Но мой повелитель копил их в казне и, если верить слухам, во множестве тайных покоев, вырытых под дворцом. На следующий день после смерти своего брата, султана Мулая Рашида, который, отмечая Великий Праздник, бешено скакал на коне по дворцовым садам в Марракеше, пока не ударился головой о роковую низкую ветку апельсинового дерева, Исмаил занял сокровищницу в Фесе и объявил себя императором. Армия, жалование которой оказалось таким образом в его руках, сразу встала на его сторону. Он коварен, мой повелитель;

у него нюх на власть. Император из него вышел отличный, пусть и самозванец.

Я напоминаю бедному мастеру, что монарший заказ обеспечит ему прибыльную работу на тех, кто захочет последовать примеру моего повелителя, но, уходя, вижу: он сомневается, что многие захотят обзавестись шитыми золотом мешками для навоза.

Другие важные поручения мне исполнять куда проще, поскольку торговцы знают, как обстоят дела. К тому же быть поставщиком императора, который ведет свой род от самого Пророка, — великая честь. Этим можно хвастаться. Некоторые даже сделали себе вывески, на которых значится: «По велению Его Величества Султана Мулая Исмаила, Императора Марокко, да пошлет ему Аллах долгие счастливые годы». Он нас всех переживет, думаю я по пути. Уж точно тех, кто попадетя ему под горячую руку. Или под меч.

Следующей встречи я сам жду с нетерпением. Коптский торговец книгами редко бывает в Мекнесе. Сейчас, в благую пору, он навестил нас для того, чтобы доставить заказ Исмаила, пополнение знаменитого императорского собрания священных книг. Исмаил, правда, сам не умеет прочесть ни слова в этих томах (нет нужды, когда можешь платить ученым, чтобы читали тебе вслух; к тому же он знает весь Коран наизусть, чем не упускает случая блеснуть). Но книги свои он любит и относится к ним с глубочайшим почтением: книги султан уважает куда больше, чем человеческую жизнь.

После всегдашних цветистых приветствий и моих расспросов о здоровье жены, детей, матери, родни и коз египтянина он покидает меня, чтобы принести заказ из хранилища, которое снимает, приезжая в город, и я праздну жду, вдыхая ароматы старой кожи и пергамента, трогая бережно хранимые переплеты, изучая вытесненные на них стихи. Торговец вбегает в комнату:

## *Жена султана*

он запыхался и раскраснелся, капюшон его джеллабы насквозь промок. Когда он разворачивает полотняный покров книги, я понимаю, почему он держит ее отдельно от остальных — от ее красоты у меня перехватывает дыхание. На переплете позолота двух оттенков. Обложку украшает сложный узор, окруженный широкой двойной каймой. Он напоминает мне ковры в покоях султана, роскошные изделия из далекого Герата и Табриза.

— Можно? — Лицо мое очень спокойно, но руки дрожат, когда я протягиваю их к книге.

— Он из Ширази. Сделан при ранних Сафавидах. Погляди на резьбу на крышке. Изысканная — и очень хрупкая.

— Это шелк или бумага? — Я провожу кончиками пальцев по вырезанному на обложке тонкому узору, сквозь который видна бирюзовая подложка.

Коптский торговец книгами снисходительно улыбается:

— Разумеется, шелк.

Я наугад открываю книгу и попадаю на 113 Суру, Аль-Фалак. Водя по завиткам каллиграфии пальцем, я читаю: «Прибегаю к защите Господа рассвета от зла того, что Он сотворил, от зла тьмы, когда она наступает. От зла колдуний, дующих на узлы, от зла завистника, когда он завидует». Сказано будто о моем мире. Я поднимаю глаза.

— Эта книга достойна красоты слов, которые ее слагают.

— Да, это — бесценное сокровище.

— Скажи я султану, что ты назвал книгу бесценной, он, скорее всего, пожмет плечами и ответит, что не может дать тебе за нее достаточно, а потому не даст ничего, — я ненадолго умолкаю. — Но меня уполномочили предложить тебе кое-что.